

То же повторится и в стихотворении «*Бородинская годовщина*» (на взятие Варшавы):

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Ещё ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Ещё ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон? <...>
Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Её, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вокруг её волненья пали —
И Польши участь решена...

Сути дела поэт вообще не касается: кто виноват, чем недовольны поляки, есть ли за ними своя правда: «сия старинная вражда» для него иррациональна. Вопрос в другом: заслуги России (в данном случае — в войне с Наполеоном) дают ей *больше прав*, чем тому, у кого таких заслуг нет. В столкновении правее тот, чей почёт (социальный ранг) выше, суть же дела вообще неважна. И всякий, кто не признаёт таких односторонних прав, будет обвинён в «бессмысленной ненависти» и зависти. Та же мысль повторится и в других откликах Пушкина на польские события.

III.18. «Благородный» антисемитизм

Разумеется, если уж началось деление народов на лучшие и худшие, не могло обойтись и без поисков самой худшей из наций, враждебной всему человечеству. В Европе эти поиски приняли форму «еврейского вопроса», но это — результат стечения исторических обстоятельств: в других странах ту же роль в разное время играли ирландцы или китайцы. Более того, профессор университета в Беркли Юрий Слёзкин в первой главе своей книги «*Эра Меркурия: Евреи в современном мире*» (Слёзкин 2005) перечисляет *около тридцати* этнических групп в разных частях мира, живущих в тех же условиях, что и евреи, и показывает, что их положение определяется не их этнической спецификой, а той ролью, которую они играют в своём обществе (которое, в свою очередь, в определённых условиях *не может обойтись* без таких групп). Дело тут, собственно, вообще не в евреях как таковых, а в тех проблемах, которые волнуют их противников, и в том, как они видят причины этих проблем и способы их решения. И для Ницше, и для Ленина не было эпитета оскорбительнее, чем «антисемит», — и не потому, что они якобы особо любили именно евреев, а потому, что они понимали, какая нужна степень духовного убожества и нравственного падения, чтобы разделять такую примитивную идею.

Что Розенберг — не просто нацист, но идеолог партии, который «сумел придать нацистской идеологии специфические черты» (Кон 1990: 166), и член её высшего руководства, — был крайним антисемитом, не приходится доказывать. Равно как и приводить цитаты — они отвратительны. Достаточно сказать, что он был главным пропагандистом «*Протоколов сионских мудрецов*» в Германии на ранних этапах нацистского движения и сам в эту фальшивку верил (Кон 1990: 165).

Правда, позже, уже на Нюрнбергском процессе, его адвокат Тома говорил о «благородном антисемитизме» своего подзащитного. Эта идея явно из России: В. В. Шульгин (в печати: 321—322) вспоминал, как они с В. А. Маклаковым выясняли, кто из них — «честный антисемит». Судя по контексту, имелось в виду юдофобство, не переходящее в хулиганские (тем более преступные) действия и держащееся в рамках закона и внешних приличий. Так, сам В. В. Шульгин во время знаменитого дела Бейлиса (киевского еврея, ложно обвинённого в ритуальном убийстве) выступил против скандальных методов следствия и суда, считая, что такие методы вредят самим же правым (там же: 535—538). И поступил он так не из особой любви к евреям (такого чувства у него не было, и сам он об этом писал), а из элементарной порядочности.

Уже в последнем слове перед судом Розенберг уверял:

«Мыслей о физическом уничтожении славян и евреев, то есть о действительном уничтожении народов, у меня никогда не было, я никогда этому не способствовал и не помогал. Я считал, что еврейский вопрос должен быть разрешён путём предоставления прав национальным меньшинствам, путём выезда или размещения евреев на национальной территории в результате переселения, которое протекало бы в течение десятков лет» (НП VII: 278).

Действительно, «о физическом уничтожении» в его главной книге не упоминается. Но мог ли Розенберг не знать, к кому обращается? Какого рода люди составляют массу кадров его партии? Мог ли он не знать, как подействуют на таких людей его истерические антиеврейские филиппики? Особенно рядом с рассуждениями о «нордически-немецком праве», в котором:

«Наказание не является средством воспитания, как это нам хотят внушить наши апостолы гуманности. Наказание не является также мстью. Наказание является (здесь речь идёт о наказаниях за бесчестные поступки) просто вычлениением чуждых типов и инородных существ. Поэтому наказания за бесчестные преступления должны влечь за собой потерю прав гражданства, а в тяжёлых случаях также пожизненную высылку и конфискацию имущества. Человек, который не рассматривает народность и народную честь как высшую ценность, лишается права на защиту этим народом. То, что за измену народу и родине может полагаться только тюремное заключение и смертная казнь, само собой разумеется» (Rosenberg 1934: 580).

Он мог быть уверен, что его правильно поймут, и именно поэтому мог позволить себе не говорить «о действительном уничтожении народов» *открыто*. Явно он понимал, что за такие призывы, возможно, когда-нибудь придётся ответить — и поэтому даже в годы нацистской эйфории заботился об алиби. Во всяком случае, аргументы о «благородстве» его антисемитизма Нюрнбергский суд не счёл весомыми. Р. А. Руденко в заключительной речи говорил:

«И последнее: о смехотворной теории так называемого “благородного антисемитизма” Розенберга. Нелепо полемизировать с защитником Розенберга, утверждав-

шим, что существует “благородный антисемитизм”, ни тем более с самим Розенбергом» (НП VII: 230).

С Розенбергом всё ясно. Какую же позицию занимал в этом вопросе Л. Н. Гумилёв? Вроде бы лояльную, и от одиозных имён он отмежёвывался:

«... учителя Гитлера — Дитрих Эккардт, Хаусхофер и Альфред Розенберг — почерпнули свою уверенность в том, что “их несут силы мрака” из тибетской легенды, переосмысленной ими для себя <...>. По мнению вожаков нацизма, массовые человеческие жертвоприношения, побеждая равнодушные “Могуществ” — сил мрака, побуждали их к помощи жертводателям. Потому-то и были убиты шесть миллионов евреев и 750 тысяч цыган, что в этом руководители нацизма якобы видели глубокий магический смысл» (Гумилёв 1968).

Однако при этом в сочинениях Л. Н. Гумилёва попадаются (скажем так) весьма странные пассажи. Характерно, что это — труды, изданные уже тогда, когда советской цензуры можно было не опасаться. Так, о сасанидском Иране: «Только иудейство не подвергалось гонению: ведь евреи были искренними врагами Рима» (Гумилёв 1990: 216). Мягко говоря, это неверно. При первых Бахрамах Картир провёл религиозную реформу, зороастризм стал государственной религией (первой в мире), и преследовались *все* остальные исповедания, включая иудаизм.

Трудно счесть беспристрастным упоминание «... иудейской веры, распространившейся в X в. исключительно половым путем» (Гумилёв 1992: 170) — следует читать: через еврейских жён хазарских вельмож. В другом месте то же: «Более того, иудаизм стал распространяться в самом Риме — через женщин, утративших в эпоху империи традиционную нравственность. Это вызвало отрицательное отношение римлян к евреям, по аналогии перенесённое на христиан» (Гумилёв 1992: 67—68). Какой ужас! И с чего бы среди этих безнравственных женщин распространился именно иудаизм? Мало им было культов Исида или Сирийской Богини, о которой писал Апулей?

Это, однако, лишь частные упоминания: так, вырвалось ненароком. Но что сказать обо всей концепции «блуждающего суперэтнуса» (: 61—79)? Например, о ссылках на «завоевание, крайне жестокое, беззащитного и миролюбивого Ханаана» (: 62)? Ведь это сведения лишь книги Иисуса Навина, сочинённой почти через тысячу лет после описанных в ней событий: она отражает лишь мечты евреев о былой военной славе, сочинена в стиле, характерном для Передней Азии тех времён (вспомним хоть победные надписи ассирийских царей с их потрясающей кровожадностью) и не подтверждается данными археологии, больше того — противоречит данным книг Судей и Царств, где видно, что евреи в «завоёванном» ими Ханаане не были ни господствующей группой, ни даже этническим большинством. Что сказать обо всей концепции «химерного государства» Хазарии — орудия господства еврейской торговой корпорации рахдонитов, этакого всемирного спрута? Агентами их влияния в Киеве, по Гумилёву, были князья-варяги. «Поэтому он [князь Игорь] перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества. Это типично еврейская постановка вопроса, где не учитываются чужие эмоции» (Гумилёв 1992: 136).

Между тем в жизни Л. Н. Гумилёв отнюдь не был антисемитом — по свидетельству Л. С. Клейна (1992: 245), близко его знавшего как «человека, неизменно приветливого, за всю жизнь не сказавшего мне худого слова». Так почему же эта черта «типична»? Потому что исследуются не реальные люди, а собственная умо-

зрительная конструкция — *Idealtypus* по М. Веберу. Причём сам Вебер, предложивший это понятие, писал: это — абстракция, которую удобно анализировать, в «идеальном типе» есть нечто утопическое, в жизни он может и вовсе не встречаться в чистом виде! Но в таком случае этот идеальный тип целиком относится к сфере мифа — не просто выдумки, а устойчивого (хотя и убогого) шаблона мировосприятия (*Weltanschauung*). И тип этот имеет много общего с печально знаменитыми «*Протоколами сионских мудрецов*», рисующими картину мирового заговора нации, враждебной всему остальному человечеству.

Наконец, вот оценка истребления князем Олегом Святославичем последних хазар иудейской веры в Тмутаракани: «Черкесы, осетины и половцы стеклись к Олегу, обрели в нём вождя и “иссекли” *торгашей и предателей* <...>. Вспышка ударила по стыку двух суперэтносов: местного — тюркско-яфетического — и пришлого, причём последний сгорел. И никто о нём не пожалел — ни бывшие союзники, ни соседи. Так закончилась история иудейской Хазарии» (Гумилёв 1992: 210, выделено мной — Л. М.). В 1993 г., накануне битвы за Белый Дом, именно такими надписями — «Смерть предателям и торгашам» — были украшены московские заборы. Интересно, авторы этого лозунга читали Л. Н. Гумилёва?

Картина понятна. Но чем она обоснована? Л. С. Клейн делает в связи с этим ценное замечание:

«Автор этой книги должен был в конце концов обратить свой пафос против евреев, потому что это несносное племя своим существованием опровергает гумилёвскую концепцию о неразрывной связи этноса с территорией. Оторванный от своей исконной территории и расточённый по миру, этот народ давно должен был погибнуть, а он существует везде и достиг известных успехов. Соединённые на прежней родине евреи должны были, если следовать учению Л. Н. Гумилёва, наконец-то воспрянуть, добиться наибольших высот и создать истинный очаг, притягательный для всех евреев. Но не туда тянет еврейскую эмиграцию, а высшими достижениями еврейской культуры остаются те, что достигнуты в Одессе и Париже, в Нью-Йорке и Будапеште. Впрочем, народ США тоже никак не укладывается в концепцию Л. Н. Гумилёва» (Клейн 1992: 229).

Иными словами, Гумилёву (а может быть, даже и Розенбергу) евреи мешают как теоретика — тем, что своим существованием нарушают его теорию. Но то же самое должно относиться, по логике, к любому народу, живущему в диаспоре (евреи здесь — лишь самый крупный пример, не более того). И не в том ли разгадка гумилёвского антизападничества? Ведь современные индустриальные страны тоже не вписываются во «вмещающий ландшафт», а переделывают его под свои нужды, создают, по выражению К. Маркса, «вторую природу». Но тогда теория баланса между этносом и вмещающим ландшафтом годится лишь для аграрного общества, рамки которого и Россия давно уже переступила. О том, что экологические утопии — вредная и опасная иллюзия, что в наше время и природа — часть антропосферы и без неё не может выжить, не раз писал А. П. Назаретян (2001; 2004; Назаретян, Лисица 2000).

Впрочем, антисемитизм новых исторических мифов следует понимать расширительно. Не в том дело, что во всех бедах винят евреев. А разве винить во всём русских, или американцев, или цыган — не то же самое, не тот же убогий ход мысли: «мы всегда хорошие, нам только вредят»?

Так, Г. Вирт явным антисемитом не был. По его мнению: «Если у человечества имеется общий культово-символический, сакральный исток, то возвращение к нему как единственно возможному истоку является намного более предпочтительным, нежели затянувшееся выяснение расовых отношений между германцами и евреями, чандалами и арийцами, и т. д.» (Кондратьев 2007: 23). С этим согласен и французский автор: «Итак, Вирт не может быть классифицирован в ту же категорию, что и они (расисты): прежде всего, потому что он считал, что исследование корней германства — положительная цель — было первостепенным, а антисемитизм — отрицательное намерение, был “потерей времени”» (Steuckers 2007).

Жалуясь на «отсутствие историко-критического исследования содержания рукописи», Г. Вирт, в частности, об одном из своих критиков пишет: «Он [Г. Вумкес] рассматривает рукопись Ура-Линды как звено одной с масонским пангерманистским движением цепи. “Корнелис Овер-де-Линден был первооткрывателем и первопроходцем для Лагарда, Чемберлена, Делитцша и других антисемитов...” <...>. Я знаю Вумкеса лично и высоко его ценю. Он, как и огромное множество столь пристрастно им охарактеризованных моих земляков, — человек, достойный всяческого уважения» (Вирт 2007: 219). Судя по этому замечанию, эпитет «антисемит» для Г. Вирта был обидным — что, однако, не мешало ему сотрудничать с СС.

Действительно, в «Ура Линде» еврейской проблемы вовсе нет, несмотря на все её «расовые архетипы» (Дугин 2000). Дело в том, что в Нидерландах со времён революции XVI века и до наших дней евреи пользовались полноправием, а между еврейской и голландской буржуазией не возникало конфликта из-за этоса (стиля жизни и бытового поведения). Поэтому автор «хроники» и не задавался «еврейским вопросом». Роль посланцев ада у него играют мадьяры вместе с их вождём-эпонимом *Magy*. Именно эпонимом, поскольку о реальных предводителях венгров (Арпаде, Гёзе и т. д., вплоть до св. Стефана) автор не знает и знать не хочет.

А чем же хронисту так не понравились мадьяры? Можно вспомнить, как венгры впервые появились на Дунае — как раз в то время, когда Европа, только выходящая из сумбура Великого переселения народов, как раз столкнулась с последней его волной — с нашествиями норманнов, об избавлении от которых в церквях читали особую молитву. В такое время удивить европейцев погромами было нелегко, но мадьяры сумели и это. Они разграбили даже Париж и Милан, прежде чем Оттон Великий остановил их в Лехской битве (955 г.). Лишь после этого орда мадьяр начала постепенно превращаться в нормальное для Европы Венгерское королевство.

Так бы оно так, но... Мадьяры впервые упоминаются в западноевропейских письменных источниках в 830-х гг. («Хроника Фредегара»). Можно допустить, что появились они на европейской сцене на 30 лет раньше, так что успели попасть в поле зрения хрониста уже в 803 г., но мощными и регулярными мадьярские набеги стали лишь с 896 г., когда венгры «обрели родину» (так они до сих пор называют своё переселение из степей Причерноморья на Средний Дунай). Во всяком случае, для Западной Европы (тем более для побережья Северного моря) в IX в. набеги язычников-мадьяр были куда меньшей проблемой, чем набеги язычников-норманнов.

Итак, для первого «хрониста» «Ура Линды» (803 г.) столь резкая оценка мадьяр была бы слишком ранней. Для второго же (1256 г.), наоборот, слишком запоздалой: в то время Венгрия была крайним восточным форпостом католической Ев-

ропы, только что жестоко пострадала сначала от неудачи в 5-м крестовом походе, а затем от вторжения монголо-татар. Воспоминания трёхсотлетней давности в такое время не были актуальны.

Остаётся третий автор — единственный, о ком можно говорить с уверенностью: фальсификатор середины XIX века — фризский националист с сильным налётом пангерманизма. Чем ему-то мадьяры так не угодили? А вот именно ему — очень многим. Вспомним: 1848—1849 гг. — венгерская революция, которую Австрия так и не сумела подавить без унижительного обращения к Николаю I за помощью; 1867 г. — австро-венгерское соглашение, создавшее уродливого кентавра — двойственную монархию, — но не решившее ни одной проблемы. А «*Ура Линда*» издана в 1872 г. — новости с Дуная были ещё свежими. Поэтому в рамках пангерманизма, и притом в ситуации после соглашения 1867 г., враждебность к венграм как раз объяснима куда логичнее, чем для средних веков. Тем более что мадьяры упоминаются на всём протяжении рукописи — так что это не случайный момент. Вряд ли они привлекли внимание автора случайным сходством самоназвания *Magyar* со словом «маг».

Все остальные рассматриваемые авторы прекрасно обошлись без антисемитизма. Ни у Шпенглера, ни у Тойнби его нет и в помине. Больше того, А. Дж. Тойнби считает: «... величайший из фарисеев, Иисус, вышел к людям во всеоружии такой духовной силы, что ему удалось стереть грань между эллином и иудеем» (Тойнби 1991: 265). В устах автора-христианина упоминание фарисеев в таком контексте может быть только похвалой.

Но у Шпенглера постепенно усиливается англофобия и антиамериканизм (Свасьян 1993: 105—106). Нетрудно увидеть, что иррациональная вражда к любому народу обладает теми же признаками, что и антисемитизм, и ведёт к тем же последствиям. Именно поэтому силы демократии, начиная с «дела Дрейфуса», решительно выступали против всякого шовинизма, включая антисемитизм — в то время распространённый более, чем другие формы расизма.

Интересно, что *немец* Шпенглер часто ссылается на провозвестника «дивного нового мира» — англичанина С. Родса, в то время как англичанин Тойнби ни разу не упоминает этого соотечественника даже вниманием.

Вполне определённо нет антисемитизма у В. Н. Дёмина. Этот автор сочувственно ссылается на идеи З. Фрейда, И. Великовского и А. Голана, «еврейское происхождение» Хорса и его имени (Дёмин 1997: 281—282), на каббалистический трактат «*Шестокрыл*» (Дёмин 1997: 357—360). И хотя сама ересь «жидовствующих» в России XV—XVI вв. описана без симпатий, но не по национальным причинам (Дёмин 1997: 354—357).

Н. С. Трубецкой посвятил этой проблеме специальную статью «*О расизме*» (Трубецкой 2007: 630—641), в которой объясняет особенности евреев многовековой жизнью в эмиграции и не без шпильки указывает на появление подобных же психологических особенностей среди русских эмигрантов. Это абсолютно отличается от построений «последнего евразийца». Однако при этом у Трубецкого признаётся особая этническая наследственность евреев и вред, приносимый любой диаспорой (еврейской ли, русской ли) этническому окружению. Сделать выводы

не столь сложно. Притом Трубецкой и о евреях, и о русских эмигрантах говорит отвлечённо, не называя ни одного имени.

Но дело, оказывается, не только в евреях как таковых.

III.19. «Антисистема» и «противораса», или Демонология истории

*Везде, где есть цивилизация
и луч звезды планету греет,
есть обязательная нация
для роли тамошних евреев.*

И. Губерман

И Розенбергу, и Гумилёву нужен образ врага — метафизического (откуда иначе у него такая страшная сила?), но в то же время ВОПЛОЩЁННОГО и посюстороннего (ведь они — не религиозные авторы). И они — независимо друг от друга — выдвигают один и тот же постулат: существуют образования, лишь внешне напоминающие нормальный этнос (или расу). На самом деле они лишены внутреннего содержания, поэтому существовать могут только за чужой счёт. Они предназначены не для создания собственной этнической структуры, а только для разрушения чужой. Многое в этих описаниях заставляет вспомнить богословскую концепцию Сатаны, неспособного творить что-либо своё (хотя бы злое) и лишь извращающего Божье и человеческое творчество.

Для Розенберга евреи — не просто другая раса, хотя бы и низшая, а *«противораса»* (Gegenrasse). Такое словоупотребление для немецкого языка традиционно. Уже в первые века христианства по аналогии с Антихристом появилось понятие антипапы (Gegenpapst) — узурпатора папского престола. Затем уже от него было образовано понятие антикороля (Gegenkönig), выдвинутого мятежными герцогами в противовес законному германскому императору. Оно известно всем, кто знаком с историей Священной Римской империи. Отсюда было уже несложно вывести понятие и «противорасы», и даже масонской «противоцеркви» (Gegenkirche — Rosenberg 1934: 201).

Если раса у Розенберга характеризуется психологическим типом, выраженным в «высшей ценности», то у «противорасы» такой определённости нет. Казалось бы, это невозможно доказать: обратных примеров море. Но здесь на помощь ему приходит статья Оскара Шмитца из специального выпуска журнала *«Der Jude»* («Еврей») за 1926 г. Полемику Шмитца с ортодоксами иудаизма автор-нацист торопится объявить «еврейским самопризнанием» (ein jüdisches Selbstbekenntnis):

«И полуеврей (Шмитц) невольно обозначил самую суть этого противоборства немецкого гения с еврейским демоном. Он пишет: “Злой демон евреев — ... фарисейство. Может быть, это и носитель мессианских надежд, но в то же время — страж, чтобы никакой Мессия не появился... Это специфическая, максимально опасная форма еврейского всемирного отрицания... Фарисей активно отрицает мир, он заботится о том, чтобы по возможности ничто не приняло [определённого] облика, и при этом его гонит демонический аффект. Это мнимое отрицание является, собственно, особо сильным видом всемирного согласия, но с отрицательным знаком. Буддист был бы счастлив, если бы вокруг него заснул мир, фарисей был бы уничтожен, если бы вокруг него снова и снова жизнь не хотела прини-